

Т.С. Петрова
Шуя

Сердце человека в поэтическом космосе К. Д. Бальмонта

«Совершеннейший лик поэзии есть лирика, – песнопевчество сердца и ясновиденье души», – пишет К.Д. Бальмонт в предисловии к книге избранных стихов «Звенья». ¹ Поэзию он определяет как «полноценное переживание живой жизни», – а может ли переживание осуществляться иначе, чем сердцем?

Не только в художественном творчестве, но и в религии, в философии, вообще в культуре любого народа понятие сердца – одно из ключевых. В работах теоретиков философии и теологии (И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, П.Д. Юркевича, Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина, П.А. Флоренского и др.), как отмечает Г.Я. Стрельцова, создаётся своеобразная «метафизика сердца», отражающая многогранность и смысловую ёмкость этого важнейшего символа. ² П.Д. Юркевич утверждает, что «во всех священных книгах и у всех богодухновенных писателей сердце человеческое рассматривается как средоточие всей телесной и духовной жизни человека». ³ «Сердце является центром жизни вообще – физической, духовной и душевной», – пишет Б.П. Вышеславцев. ⁴ Совершенно очевидна актуальность обращения к исследованию характера и функционирования этого ключевого символа как в целом в лирике, так и в творчестве любого поэта (см., например, работы А.С. Киндеркнехт, Ю.В. Шатина и др. ⁵).

Цель нашего исследования – выяснить, какое место занимает макросимвол *сердце* в поэзии Бальмонта, в его поэтическом космосе (эта метафора в данном случае позволяет обозначить как суть строя бальмонтской лирики, так и антропокосмическое мировоззрение поэта).

В двадцати двух поэтических книгах Бальмонта отмечено около семисот употреблений слова *сердце*. ⁶ Рассмотрим, как развивается семантический потенциал этого слова в динамике творческого пути поэта; попытаемся выявить роль и место символа *сердце* в художественном строе лирики доэмигрантского и эмигрантского периодов.

В книгах 1894–1905 годов не только последовательно увеличивается число употреблений слова *сердце*, но и явно усложняется его семантика и художественно-образное функционирование в тексте.

Если в стихах 1890-х годов («Под Северным Небом», «В Безбрежности», «Тишина») отмечено значение «сердце – источник и вместилище чувств» и несколько употреблений в метонимическом обозначении человека, охваченного чувством, то в лирике 1900–1905 годов («Будем как Солнце», «Только Любовь», «Литургия Красоты») обогащается диапазон этих чувств. В выражении жизни сердца доминирует олицетворение (сердце просит, отвергает, пророчит, упрекает, велит, хочет, плачет, простило и пр.). Олицетворяющий контекст передаёт сложную жизнь сердца в знаменитом стихотворении «Безглагольность»: «И сердцу так *больно*, и сердце *не радо* <...> / И сердцу так *грустно* <...> И сердце *простило*, но сердце *застыло*, / И *плачет*, и *плачет*, и *плачет* невольно...».* Образ сердца венчает стихотворение, в котором состояние человека и природы слито в сопереживании родного мира, в едином чувстве родины, невыразимом, непередаваемом – сердечном.

Метафорическое выражение чувств и состояний, переполняющих сердце, обнаруживает активность оппозиции горение / тление, угасание (сердцем... догорая, тлеть); жар / холод (горячее, жаркое сердце – холодное, охладевшее сердце), жизнь / смерть, гибель (сердце умирает – воскресшее сердце). Сердце закономерно становится образом глубины и полноты внутреннего мира. В бальмонтовском символическом контексте эту глубину обуславливает всемирная отзывчивость, космическое всеединство, энергия взаимодействия полярных начал. Возникает образ лирического героя, восприимчивого ко всему («Кто всю беспредельность мучений / В горячее сердце вольёт»), испытывающего чувства космически масштабные: «О, горячее сердце, что ж возмёшь ты как долю, / Полнозвучность ли грома и сверкающий свет, / Или радость быть дома и уют и неволю? / Нет, твой дом изначальный – где рожденье комет».

Ментальные качества сердца в бальмонтовском поэтическом мире обусловлены любовью и верой; именно они делают возможным постижение глубинных, сущностных основ бытия: «Любил –

* Здесь и далее курсив в поэтических строках Бальмонта наш. – Т. П.

ещё люблю я – неземное, / *Ум сердца – луч* холодному уму, / Я верю в Небо, синее, родное, / Где ясно всё неясное пойму». Поэтому небесное отечество, солнце и звёздные миры так влекут к себе сердце, одухотворяя его: «Но сердце знает, что нельзя созвездья не любить»; «Серебряные звёзды, я сердце вам отдам»; «Так молча звёзды с сердцем старался я сплести, / Душой своей вздыхая у Млечного Пути...».

Итак, истинная жизнь сердца в бальмонттовском мифопоэтическом контексте предполагает: полноту любви как главной ипостаси самой жизни; энергию волевого начала; сердце – источник внутренней динамики, движения, необходимых для жизни (сердце бьётся своевольно; «сердце мне велело в неизвестное идти»); соединение множества самых разнообразных проявлений, отражение и переживание всех состояний, свойственных миру – вплоть до противоположных; безграничную полноту и ёмкость восприятия («бездонное сердце поэта»); приобщённость к жизни всего сущего – «блаженство мирового единенья»; истинное знание о мире: «Ум сердца – луч холодному уму»; живую память, связующую поколения рода, народную и общечеловеческую историю, в которой непреложное и главное – связь с Богом: «Не забудь же сердцем, и сдержи свой вздох: / Ярко только Солнце, вечен только Бог!»; средоточие творческой силы (солнечной энергии, «певучей силы»).

Отсюда – образ *поющего сердца*, являющего собой средоточие любви, питающей весь мир, любви соединяющей, творящей, непостижимой и жизненно необходимой Божественной сути бытия. А. Ханзен-Лёве замечает, что природа духа у символистов соответствует песне «по Ницше, т. е. как первоединству поэзии и музыки». ⁷ Вселенским центром этой силы у Бальмонта является Солнце, центром человеческого Я – сердце. Ключевым образом такого мифопоэтического представления сердца в бальмонттовском творчестве 1894–1905 годов становится поистине символическое соотношение: Солнце (центр Вселенной, «сердце Небес») – сердце (центр личностного Я, «солнечный цветок»).

В книгах 1905–1920 годов («Злые Чары», «Жар-Птица», «Птицы в Воздухе», «Зелёный Вертоград», «Хоровод Времени», «Зарево Зорь», «Белый Зодчий», «Ясень», «Сонеты Солнца, Мёда и Луны» и др.) обозначенные образы-символы остаются базовыми, ключевыми; семантика макросимвола *сердце* развивается и углубляется.

Сердце, с одной стороны, – одна из важнейших составляющих русского родного мира: «Там в России, там в тумане – / *Сердце*, воля, широта». С другой стороны, сердце питает человека памятью о космической пра-родине, хранит чувство приобщённости к инобытию: «Я знак заветный, и лишь со мной / Ты скажешь *сердцем*: “Есть мир иной”»; «Где-то, где-то – *сердце*, где? – / В этом, миг живом, когда-то, / Звёзды плыли по воде...» («Птицы в Воздухе»).

В то же время глубина человеческого сердца непостижима; «*потаянный сердца человек* (1 Пет. 3:4) открыт только для Бога», – пишет П.Д. Юркевич.⁸ «Соприкосновение с Божеством возможно потому, – утверждает Б.П. Вышеславцев, – что в сердце человека есть такая же таинственная глубина, как и в сердце Божества <...> здесь одна глубина отражает другую...».⁹ В книге «Птицы в Воздухе» Бальмонт развивает мотив спасения сердца через приобщение ко Господу, возникает образ живого сердца, познавшего Творца и способного слышать и понимать Его. Условием этого становится взаимоотражение родины земной и небесной, явление феномена духовного в тишине природы и внутреннего мира человека. Не случайно в стихотворении «Над вечною страницей» появляются образы зеркальной реки, тихой ивы, безгласного отрешения от рационального: «Чтоб Тебя понимать, я под иву родную уйду, / Я укроюсь под тихую иву. / Над зеркальной рекой я застыну в безгласном бреду. / *Сердце*, быть ли мне живу?».

Для приобщения ко Господу, обретения жизни вечной необходима чистота сердца («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» – Мф. 5:8). В бальмонтском поэтическом космосе доэмигрантского периода очищение человеческого сердца осуществляется огнём зари и искрой зарницы: «Вознеслась над Морем, золотая, / Разлилась на Запад и Восток, / Расцвела с края и до края, / Засветила в сердце огонёк. // Там, на дне несохнувшей криницы, / В глубине, где всё схоронено, / Как напев, зажгла огонь зарницы / И, сторев, златым явила дно» («Золотая»).

Это стихотворение является одним из ключевых в образном строе книги «Зарево Зорь». Заря – источник яркого духовного огня, отсвет которого очищает и высветляет сердце человека. А. Ханзен-Лёве отмечает, что золотая окраска Зари у символистов знаменует «самое близкое к солнечному началу состояние».¹⁰

В контексте стихотворения наблюдается также образное соотношение отражённого в зарнице солнечного огня и пения (напева). Таким образом, преобразующим сердце началом выступает не только свет (огонь), но и музыка. Сердце поющее – это живое сердце, исполненное творящей силы, восходящей к солнцу, и способное к ночному – иррациональному, сверхчувственному постижению мира («Ночь наступает, и сердце свободней. / Если бы ночь продолжалась года. / Если б во тьме мы сходили со сходней, / И восходили опять на суда...»).

Цельность в соотношении мира и человека обусловлена у Бальмонта объединяющей силой любви, живущей в сердце: сердцем человек чувствует и любит Бога, сердцем же он обращён к творчеству. Сила такого сердца – «Духом данная» – укрепляется свыше, Божественною волей.

Сердце, избравшее Христа, – поистине дверь в мир вышний, означенный Вифлеемской звездой: «Тот возглас, *в сердце* тяготeya, / Для *сердца* разрешён Христом... / <...> Пребудем – *сердцем* не скудея, / Мы – здесь, нас призовут – туда, / Несть Эллина, ни Иудея, / Есть Вифлеемская звезда!» («Голос оттуда»). Христос, являющий пример жертвенности, требует от человека живого, деятельного в любви сердца: «Взрывает *в сердце* скрытые ключи, / *Звенящий стон любви и состраданья...*» («Средь ликов»). Это – начало христианского пути к Богу, так как милосердие, сострадание, любовь очищают и духовно укрепляют сердце.

Мифопоэтическое представление о космическом и духовном обновлении застывшего мира освобождённым творящим пламенем – по воле Бога, направляющего пути звёзд, находим в книге «Белый Зодчий», где сердце – это сущностно важнейшая основа мироздания, несущая в себе жизненно необходимый «пламень»: «...Но так был долог час созданья, / Что *пламень сердца* в нём застыл, / И снегом стал огонь пыланья, / Как иней стал созвездный пыл. // Тот снежный миг навек нам явлен / В выси, где спит восторг и жуть. / Он будет некогда расплавлен, / Как двигнет Бог все звёзды в путь» («Белый Зодчий»).

Особую роль играет макросимвол *сердце* в художественном строе книги «Ясень. Видение Древа». Это подчёркивается эпиграфом, где фраза из египетской сказки актуализирует интегральные

для поэтики Бальмонта образы-символы: *сердце, древо, цветок*: «Ибо я зачарую моё сердце, и помещу его на вершине Древа в цветке» («Египетская сказка о двух братьях»).

Каждый из этих символов в бальмонтовском поэтическом макротексте способен являть в себе основу единого живого мира, где малое и безграничное, земное и небесное, человеческое и космическое в равной мере причастно к общей тайне бытия. Именно чара, таинственная сила непостижимо связывает их друг с другом посредством *сердца* – вселенского источника творящей любви. В стихотворении «До рождения» Бальмонт пишет: «Земные, небесны мы в сказочной мере, / Но помним лишь редко тот виденный сон, / Ещё до рожденья, ещё на Венере, / В тебя я, о, *сердце*, был звёздно влюблён». Метафорой надмирной, всемирной солнечной силы, пробуждающей и возрождающей мир, энергии молодости выступает словообраз *сердце* в стихотворении «От Солнца»: «Я родился от Солнца. Так Солнцем я всех закляну, / Чтобы помнили Солнце, чтоб в *сердце* хранили Весну». Изначальный напор, вихрь, страстная энергия этой силы наполняет сердце неистовой силой любви, возникшей в космическом пламени: «Когда драконились узоры / Сребристой черни, / И были пламенными взоры / От солнцезерни, / Когда восторг *сердце* был страшен, / Любил я в гневе...». Музыкальная, гармоническая основа божественного строя бытия сохраняется на всех стадиях творения мира; исполненная творящей силой любви, она пребывает в поющем сердце поэта. «Вот почему, лишённый башен, / Я весь в напеве», – завершает свой рассказ-воспоминание лирический герой стихотворения «Солнцезернь».

В стихотворении «Под деревом» отражена символическая модель мира, в котором вертикаль, соединяющая землю и небо, – это Ясень, образ-репрезентант Древа Мирowego, а глубинный вектор, определяющий важнейшее проявление мирового единства, внутреннее состояние мира и человека, – это гармония, представленная символическим образом пения. Пение здесь – не просто звучание, это именно гармоническое согласие, соединяющее звук и тишину и воспринимаемое не слухом, а сердцем: «Дождь прошёл, я *сердцем* слушал птицу, / С птицей в ветках пела тишина. // Я искал Загадке – разрешенья, / Я дождался звёзд на высоте, / Но в душе, как в ветках, только пенье, / Лист к листу, и звук мечты к мечте...». Весь мир сое-

диняется пением, проходящим через сердце человека, на грани времён и миров, в этой точке, запечатлённой как зыбкий, текучий миг покоя: «Пел успокоительный мне голос, / *В сердце*, здесь, и в Небе, там вдали».

Зачарованное сердце человека, вознесённое на вершину древа в цветке, упомянутое в эпитафии к книге «Ясень»,¹¹ здесь отражается в «сонмах нежных маленьких цветков» – сердце, таинственно запечатлевшее мировую гармонию и устремлённое к небесной родине: «И вершину Ясеня венчая, / Сонмы нежных маленьких цветков / Уходили в Небо вплоть до Рая, / По пути веков и облаков».

Образ поющего сердца открывает следующую за «Ясенем» книгу – «Сонеты Солнца, Мёда и Луны. Песни миров». Её предваряет эпитафия: «Слово песни – капля мёда, / Что пролился через край / Переполненного *сердца*» («Испанская песня»). Всеединство космического, вселенского начала («Песни миров»), души, отражённой в глубинной, вековой сути народного бытия («Слово песни – капля мёда») и внутренней, личностной основы человека (песенный «мёд», переполнивший сердце) – отражается в эпитафии троекратным образом выражением семантики пения, гармонизирующей основы бытия.

Наделённое творящей силой и способностью являть в себе центр личности, непосредственно связанный с центром Вселенной – Солнцем и Творцом всего мира – Богом, сердце человека обладает глубинной памятью («Есть в сердце *комнатки*, где мы не позабыли / Всё, с нами бывшее, не здесь, давным-давно»), наделено даром иррационального постижения мира, приобщения к его сущностным основам: «Есть знание вне знания в существах. / Внушаемость. Открытость вечным чарам. / Мир никогда, живя, не будет старым, / *Пока есть сердце*, жгучий есть размах» («Знание вне знания»).

Мудрое сердце, духовно зрячее сердце есть путь, ведущий к Богу, нить, соединяющая с Богом. Стихотворение, отражающее этот образ, не случайно называется «Прозрение»: «Слепой скрипач пиликает убого. / Куда ведёт он жалкий свой смычок? / В бездонность. *Сердце* чувствует намёк. // Мы все здесь в мире – в верной длани Бога. / Он всем нам задал выполнить урок. / Для каждого – лишь звёздная дорога».

Концептуально значимую идею преобразующей и обновляющей мир творящей силы любви несёт в себе сложный метафорический образ – «Пасхальная созвездность всех сердец»: «На наших судьбах вырезал резец / *Пасхальную созвездность всех сердец...* / Любя, мы *сердцем* радостным сумели / Себя найти, в другом забыв себя... / *Пасхальная созвездность всех сердец* / Обещана, занесена в скрижали. / Любя любовь, творение – Творец» («Он и она»).

Трагические для многих русских события в России, вынужденная эмиграция, тоска по родине, отторжение от родных – всё это прошло через живое сердце поэта. В лирике эмигрантского периода (1920–1937) сердце – по-прежнему основа мира и личности, непосредственно соотнесённая с сердцем Вселенной – Солнцем («*Солнце, горячее сердце Вселенной*»). В то же время разобщённость сердца Вселенной, полного горячей любви, и человеческого сердца, утратившего любовь, – трагическая реальность эмигрантского периода жизни поэта: «Вот я один. Клад утрачен мой ценный. / И *хоть целое Солнце заключаю я в сердце*, / Разлюбив человека, я лишился Вселенной, / Нет больше веры в единове́рце».

Книги «Марево» (1922), «Моё – Ей. Россия» (1924), «В Раздвинутой Дали. Поэма о России» (1930), представляющие, по справедливому суждению Н.П. Крохиной, поэтическую трилогию,¹² объединены общей лирической темой: внутренний мир человека в момент апокалипсического крушения миров, гибели устоев, испытания разума, чувства и веры – на грани времён.

Макросимвол *сердце* самым непосредственным образом отражает трагический характер происходящего. Пламя становится образом разрушения, репрезентантом адского огня, ослепляющего человеческие сердца: «Синь-пламень дьявольский *в сердцах незрячих* силен, / И красный ждёт петух, чтоб вдруг завихрить страх...»; слеп и тот, «в ком *сердце* ныне *пьяно* / От красноцветного обмана...». *Пьяное и слепое сердце* – у тех, кто отдал родину на поругание дьявольским силам, отрёкся от Бога и стал по отношению к лирическому герою – иноверцем. Трагедию России, утрату братской связи со своим народом лирический герой переживает как жизненную, личную катастрофу: «Среди своих как быть мне иноверцем? / Густая ночь, укрой, спаси от дня, / Нельзя дышать, ни жить *с пробитым сердцем*, / Нет больше в мире братьев у меня».

«Будет ливень, будет грязь, *меж сердец порвётся связь*», «Час иной – когда все люди звери, / *И от сердца к сердцу нет дорог...*» – так ощущает поэт трагедию происходящего, утраты Бога: «*Нет порыва в сердце*, нет в душе молитвы, / И не Бог с остывшим, Кто-то Тёмный рядом». «Тут Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей», – так говорил герой Ф.М. Достоевского о страшной и таинственной силе красоты.¹³ В книге «Марево» лирический герой именно так ощущает состояние своего сердца, заключающего в себе средоточие всего мира, частью которого органично является человеческое Я: «Но скуп стал человек, и *в сердце мира прах*»; «*Моё живое сердце немо / От тяжкой скорби мировой*».

Вот почему так страшно, поддавшись мареву, губительному для всего светлого, честного, утратить своё живое сердце: «Страшно низким стать и *сердце ослепить*». Отстоять своё живое сердце, не уступить наступающей тьме – вот что необходимо в борьбе за свет, за освобождение Родины-Матери от злых чар, из демонического плена: «Я не верю в чёрное начало, / Пусть прама́терь нашей жизни Ночь, / Только Солнцу *сердце* отвечало, / И всегда бежит от тени прочь».

Что для этого нужно? Прежде всего, восстановить связь, основанную на любви, преодолеть лёд и немоту застывшего «пронзённого сердца»: «Слышу, *в сердце лёд* разбился звонко, / Волны бьются, всплески жалоб для. / Мать моя, прими любовь ребёнка, / Мир тебе, родимая земля». «Из ночи» – так называется стихотворение, в котором представлено любящее сердце, с детской открытостью устремлённое «к обезумевшей», страшной в околдованном, безбожном лице, страдающей Родине. Полнота мира, воспринятая детским сердцем, в трагическое время дополняется опытом страдающего сердца, постигающего «полную правду» бытия: «Не одни только сказки и песни и мёд, / *Сердце* полную правду возьмёт».

«Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей»¹⁴ – эти строки покаянного псалма созвучны состоянию лирического героя книги «Марево», убеждённого, что трагедия его Родины непосредственно связана с богоотступничеством, что только восстановление связи с Богом может спасти русский мир. Поэтому борьбу за чистое сердце он воспринимает как поединок с врагом, поединок духовный, от которого зависит победа божественного све-

та над дьявольской тьмой: «С кем мне говорить? С неверным иноверцем? / С ним, кто сеет смерть, пожар по городам? / Нет, с одним моим *пустынно-нежным сердцем*, / *Сердца моего врагу я не отдам*. // С кем же говорить? С слепцом? С единоверцем? / С ним ли, кто Судьбой уловлен в западню? / Нет, с одним моим, *тоской сожжённым, сердцем*, / *Сердцу моему вовек не изменю*» («С кем?»).

На этот подвиг лирического героя благословляет путеводная звезда: «В поединке мне победу прочит, / И велит мне: “*Сердце береги*”».

Для спасения своей страны, своей души, всего человеческого мира борьба за чистое сердце, через которое только и возможно соединение с Господом, становится наиважнейшей целью. Вот почему в третьей части книги «Марево» через перефразированные афоризмы Христа проводится голос Сына Божия, удостоверяющий, что Он слышит человека, и обращающий к сердцам людей слова спасения: «Кто не со Мною, тот против Меня. / Не собирая со Мною, расточает. / Вышняго слушайте *сердцем* огня. / Дух наш предельную пытку встречает <...> Не исполняющий воли Моей / Волей Отца осуждается ныне. // Как был Иона во чреве кита / Меру трёхночья и меру трёхдненья, / Меру и ваша пройдёт темнота, / Прежде, чем Бог снизойдёт к вам в кочевья» («Неизбежное»).

Такова истина, открывшаяся чуткому и любящему сердцу через страдания и испытания тьмой. Книга «Марево» – о подвиге преодоления этой тьмы в поединке живого человеческого сердца с дьявольской, сатанинской силой ради прорыва к свету, ради духовного спасения своей страны и своей души. В книге «Моё – Ей. Россия» путь к свету промыслительно обозначен Богом «в тайне сердца»: «...И звёзд осенних разговор / О том, что с самых давних пор, / От детства нашего у Бога, / Все знаем *в тайне сердца* мы, / Что к свету нас ведёт дорога, / А не путями жадной тьмы...» («Кукушка»). Творческий огонь воспламеняет сердце, кровно связанное с Россией, искренней родственной любовью: «*Всем сердцем* я в моей России <...> Верховной волей созиданья / Могу перековать страданье / В венец и в пламя лезвия. / Я весь – Ея. Она – моя» («Моё – ей»).

В завершающей трилогию книге «В Раздвинутой Дали. Поэма о России» мифопоэтика победы света над тьмой, преображения мира и человека во многом определяется активностью выражения силы

любви и воли («хотения») в сердце («Из *сердца* брызжет жизнь, скрепились мысли»; «*Сердце* плавит в нас руду»); «*Воля сердца* превращает мысли – в *быль*»; она укрепляет лирического героя в его устремлённости к родине: «Хочу моей долины / И *волей сердца* знаю, / Что путь мой соколиный / К Единственному Краю». Источник этой воли, всего, чем сердце живо, – небесные силы, Солнце и Луна («Ты, Солнце, мой отец, Светильник Неба, / Луна – моя серебряная мать. / Вы оба возбрали *сердцу* лгать...»). Вот почему «Тянется *сердце* – к высотам – туда». «Порождённые от Солнца / Солнцедуги золотые» соединяют сердце человека и «сердце мира, Солнце»: «О, рдяный кубок, *сердце мира*, Солнце <...> И россыпь драгоценных светов, звёзды, / Гласят, что в нас немеркнувшее Солнце». Этот образ обуславливает обратный, зеркальный: сердце человека – это «солнце с прожилками»: «Кто постучался здесь в *сердце* моё? / *Солнце*, из крови затеяв тканьё. / Вот она выткалась, малая ткань, / *Алая – солнце с прожилками* – глянь! («Кто постучался?»).

Русское сердце в книге с подзаголовком «Поэма о России» предстаёт в непосредственном единении с центром космического и духовного мира, проводящим энергию жизни – любовь, Божественную волю и преобразующую силу («Всё старое, что *сердцу* вечно ново»), необходимую в движении «из мрака к свету»: «Мы в Смерти не в разлуке, а в возврате».

В последней книге «Светослужение» поэт утверждает, что сила живого сердца необходима для совершения подвига преображения мира, для преодоления Предела, за которым – вечная свобода духа, свет любви и правды – Царство и Сила и Слава:¹⁵ «Кончатся наши мытарства, / Вспыхнет восторг без конца, / Если мы в Силу и Царство, / В Славу – все вложим *сердца*. / Стройте удел величаво, / О, не жалейте трудов! / Царство и Сила и Слава / Светят во веки веков».

В мифопоэтическом строе книги сердце – не просто средоточие творческой энергии, центр и основа личности и мира в целом; сердце участвует в великой мистерии духа, в борьбе со злом, тьмой, смертью за победу добра, за духовное просветление, преображение мира. Важно подчеркнуть, что это – живое сердце, способное любить и страдать, сердце, в котором пламя страстей уступает кротости. Оно тоскует по утраченной родине, по «старой, милой земле», «безглагольно» молясь о любимом мире: «О, как сладко заплакало

сердце, к боли привычное, / Есть ещё чарование, не остыла земля, / Есть в лесу там ауканье, многогласно-различное, – / Есть трава, что живёт ещё, стебельки шевеля».

В заключительном стихотворении «Солнце поющее» сердце на звуковом, образно-семантическом, эмоциональном уровне непосредственно сопряжено с заглавным образом и включено в единый символический контекст, в котором творческая сила поющего Солнца являет собой жизнетворческую волю нового, весеннего мира («В мире всё слито единою волей, / Солнцем, что кликнуло песней Весну»). Многократное анафорическое обращение к Солнцу поющему, соединение в общем образном пространстве стихового ряда (Ю. Тынянов) *Солнца* и *сердца* («Солнце поющее, – *сердце* – каденье») подчёркивает жизнеутверждающий тон этого яркого гимна миру, где человеческое сердце и небесное Солнце – живая основа бытия: «Солнце, ты сон наш и ты пробуждение, / Солнце, ты колокол, башня и звон. / Солнце поющее, – *сердце* – каденье, / Ты же – движение, в сверканье знамён!»).

Таким образом, в бальмонтовской лирике сердце – это сакральный центр поэтического космоса. В нём, как в фокусе, концентрируются и взаимодействуют ключевые мифопоэтические составляющие: сердце – Солнце (солнечны сердца; сердце мира, сердце Небес – Солнце; сердце – Солнце с прожилками); сердце – звезда («В тебя я, о сердце, был звёздно влюблён»; «В каждом сердце разождём одну звезду»); сердце – цветок (сердец расцвет, сердечный цветок); сердце – огонь («Наше сердце – огонь»). При этом обнаруживаются пересечения репрезентантов: солнечный цветок, горячий цветок, сердцевидный цветок, «Светлую, жаркую, солнцеподобную / В сердце незримую слышу звезду»; «В сердце чувствуя зарю, слитно с небом я горю». Каждый из этих репрезентантов в проявлении отдельных признаков обнаруживает одноприродность с макросимволом *сердце* (прежде всего, в выражении энергии жизни, творчества, космического творящего огня, силы красоты и любви).

Сердце человека как центр космического миропорядка интегрирует в себе главную жизнетворческую силу – *любовь*, динамическое волевое начало – *огонь* (*творящее пламя*), гармонизирующую основу бытия – *музыку* (*пение*: «Тайное пение в сердце и в Вечности»).

«Символический космос считается некоей цельностью, находящейся в становлении», – констатирует А. Ханзен-Лёве, связывая это с актуализацией мотивов круга: «В мифопоэтическом мышлении круг символизирует не только вечное возвращение, но и возвращение вечного как принцип религиозного откровения, Богоявления».¹⁶

Принцип соответствий, основополагающих для символизма, проявляется в представлении космической одноприродности сердца человека и его непостижимого пра-образа, высшей, духовной ипостаси: «Я бросил сердце в это пламя мира, / И вижу взлёт горящих ступеней»; «Вышнего слушайте сердцем огня»; «Тайное пение – в сердце и в Вечности».

Важно, что вместе с тем сердце человека – часть земного мира, родственная ему, чувствующая благое начало – «златозернь», скрытую в земле и несущую в себе энергию единой космической жизни.

Метафорический образ «солнечный цветок» наглядно отражает органичную связь земного и небесного миров посредством человеческого сердца – «песнопевчества сердца».

При всей многоаспектности проявлений сердца (энергия волевого начала, полнота самых разнообразных чувств, приобщённость к жизни всего сущего, истинное знание о мире, память сердца, чувство родины, чувство Бога, творческая сила) доминанта в нём – это сила любви, питающей весь мир, единой Божественной сути бытия.

Динамика макросимвола *сердце* в бальмонтовской лирике обнаруживает развитие отражения в нём любви.

В доэмигрантский период творчества это движение от земной любви-страсти к вселенской, солнечной любви («Только Любовь»), любви как главной ипостаси самой жизни, которую можно выразить только музыкой, пением; к любви спасительной, обращённой ко Господу («Птицы в Воздухе», «Хоровод Времён»); к любви, закалённой в испытаниях («Белый Зодчий»), христианской, жертвенной любви, которая «Взрывает в сердце скрытые ключи, / Звенящий стон любви и сострадания». Такая любовь – необходимое условие для духовного восхождения и спасения, которое невозможно без приумножения в человеческом сердце Божественной Любви. «Пасхальная созвездность всех сердец» – это образ преображённого любовью, обновлённого, одухотворённого мира.

Эмигрантский период творчества отражает трагедию утраты любви к человеку, а значит – разобщённости исполненной любви сердца Вселенной – и пробитого, страдающего, немощного человеческого сердца. Необходимая для спасения человека и мира чистота сердца определяется борьбой за восстановление в нём любви, и в этом поединке жертвенная, бескорыстная любовь сыновнего сердца к поруганной матери-России определяет надежду на спасение родины силою Божественной любви.

Сердце человека участвует в великой мистерии духа, в борьбе со злом за духовное преображение мира. Не случайно в заключительном стихотворении последней книги Бальмонта, где звучит гимн Солнцу поющему, сердце представлено как явление духовное («сердце – каждень»): каждение – выражение причастности к духовному миру, прославление божества и одновременно – ограждение от злых сил, от вражеского воздействия, очищение и освящение.

Таким образом, сердце человека в бальмонтском поэтическом космосе – средоточие живой связи земного, космического и духовного бытия, обнаруживающее динамичное и гармоничное всеединство многогранных его проявлений.

¹ Бальмонт К. Звенья. Избранные стихи. М., 1912. С. 3.

² Стрельцова Г.Я. Сердца метафизика // Русская философия. Энциклопедия. М., 2014. С. 556.

³ Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://grani-age.net/articles3/yurkevich.ntm>

⁴ Вышеславцев Б.П. Значение сердца в религии // Путь. 1925. № 1. С. 80.

⁵ Киндеркнехт А.С. Состав поэтических формул с компонентом *сердце* в русской поэзии начала XX века. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филолог. наук. Пермь, 2003; Шатин Ю.В. Концепт *сердце* и его художественная деконструкция в русской поэзии XX века. М., 2011.

⁶ Цитируется по изданиям: Бальмонт К.Д. Собр. соч. В 7 т. М., 2010; Бальмонт К.Д. Зарево Зорь. М.: «Гриф», 1914; Бальмонт К.Д. Ясень. Видение Древа. М.; Иваново, 2015; Бальмонт К.Д. Дар Земле. Стихи. 1921. Иваново, 2011; Бальмонт К.Д. Моё – ей. Россия. Иваново, 2009; Бальмонт К.Д. Светослужение. Стихотворения. Воронеж, 2005.

⁷ Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб., 2003. С. 131.

⁸ Юркевич П.Д. Указ. соч.

⁹ Вышеславцев Б.П. Указ. соч. С. 82.

¹⁰ Ханзен-Лёве А. Указ. соч. С. 235.

¹¹ См. об этом: *Петрова Т.С.* «Но осень вечно ясен в бездне дней...»: Семантика ключевых образов в книге К. Бальмонта «Ясень» // Солнечная пряжа. 2015. Вып. 9. С. 8–20.

¹² *Крохина Н.П.* Художественный мир К.Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов. Шуя, 2013. С. 225.

¹³ *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. В 15 т. Т. 9. Л., 1991. С. 123.

¹⁴ Православный молитвослов: изд. Свято-Николо-Шартомского монастыря, 2003. С. 14.

¹⁵ См. об этом подробнее: *Рылова А.Е.* Онтологический смысл стихотворения К.Д. Бальмонта «Царство и Сила и Слава» (опыт интерпретации) // Константин Бальмонт в контексте мировой и региональной культуры: сборник научных трудов по материалам Международной науч.-практич. конференции; г. Шуя, 18 октября 2010 года. Иваново, 2010. С. 56–59; *Петрова Т.С.* «Из мрака к свету»: Мотив пути в лирике К. Бальмонта. Шуя, 2015. С. 203–206.

¹⁶ *Ханзен-Лёве А.* Указ. соч. С. 73.